

ИСТОРИЯ

Сергей Викторович ГРИГОРИШИН¹

УДК 930.1

LISTENWISSENSCHAFT ВОЛЬФРАМА ФОН ЗОДЕНА И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ШУМЕРСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СПИСКОВ

¹ кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
s.v.grigorishin@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2509-6382

Аннотация

Предметом исследования является теория Listenwissenschaft немецкого ассириолога Вольфрама фон Зодена. Так как существует две редакции этой теории — 1936 и 1960 г., соответственно, — нужно уточнить, что наш анализ посвящен более поздней версии теории В. фон Зодена. После детального описания элементов этой теории, производится ее систематизация, результаты которой отражены в представленной в исследовании интеллектуальной карте. Поскольку Listenwissenschaft часто подвергалась критика за абстрактность и спекулятивность, в исследовании были введены точки зрения критиков В. фон Зодена. Проанализировав точки зрения критиков, автор статьи приходит к выводу, что главный аргумент теории Listenwissenschaft, манифестирующий наличие системы в лексических списках, остался непоколебленным. А это, в свою очередь, приводит к выводу о включении теории В. фон Зодена в область исследований философской мысли в ассириологии, уточняющей эпистемологические основания шумерских и вавилонских лексических списков. Новизна исследования состоит в том, что Listenwissenschaft впервые с 1999 г. (времени публикации статьи ученика В. фон Зодена — Д.-О. Эдцарда) была представлена в по-

Цитирование: Григоришин С. В. Listenwissenschaft Вольфрама фон Зодена и проблема интерпретации шумерских лексических списков / С. В. Григоришин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 94-132. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

зительном освещении, что в свою очередь располагает заново рассмотреть эту теорию для решения поставленных перед ассириологией эпистемологических задач, в частности в контексте длящейся столетие дискуссии о функции лексических списков внутри религиозных представлений билингвально мыслящих вавилонян.

В исследовании применен метод феноменологии религии в редакции Ж. Ваандербурга.

Ключевые слова

Лексические списки, списки богов, ниппурский литературный канон, *Eigenbegrifflichkeit*, *Göttersystem*, *Ordnungswille*, *Listenwissenschaft*, *Zweisprachigkeit*, Бенно Ландсбергер, Вольфрам фон Зоден, Адам Фалькенштейн, А. Лео Оппенхейм, Антон Даймель.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

Введение

Проблема формирования научных представлений обществ древнего Ближнего Востока достаточно подробно проанализирована в науке с фактической и прикладной точек зрения. В то же время эпистемологические основания этих представлений остаются недостаточно изученными, как и теоретическая сторона вопроса в целом. Как правило, практически каждое исследование на эту тему содержит краткое или подробное описание месопотамской литературы, математики, астрономии, медицины и гадательных текстов. Но при этом такие экскурсы неизменно оставляют вне поля зрения способ классификации шумеро-вавилонских наук, рубрикацию конкретной научной дисциплины, канонизированные и устоявшиеся веками способы материального оформления абстрактного и спекулятивного знания.

Как само собою разумеющееся, месопотамские науки рассматриваются в сравнении с современным пониманием научного знания. Тем самым зачастую нарушается принцип историзма, призванный объяснить логику разрыва между представлениями отдаленных веками эпох. В подобных случаях перед учеными неизбежно возникают непредвиденные заранее сложности, поскольку, например, астрономию и астрологию им приходится рассматривать поочередно: то как ранний этап чистой науки, то как досадную смесь религиозных и научных представлений. Нежелание увидеть вещи глазами самих создателей текстов III-I тыс. до н. э. неизбежно приводит исследователей к деформации представлений об изучаемом историческом периоде.

Характерным примером аисторизма может служить неловкость при разборе текстов религиозного содержания. Неумение филологов и историков мыслить в теологических, религиоведческих или философских категориях редуцирует анализ религиозных представлений к тематическому полю лингвистики, не приспособленной к тому, чтобы понимать круг вопросов метафизического, в том числе и довольно абстрактного, содержания. Подобная ситуация складывается всегда, когда возникает необходимость вслед за анализом, например, медицинских представлений рассматривать мифологию, заговоры или магические тексты.

Практически обязательное отсутствие в арсенале ученого философской методологии приводит к тому, что первоисточники обречены быть истолкованы

превратно, в вопиющем несоответствии с тем, как они воспринимались их создателями. Ясно и то, что без принятия принципа историзма месопотамские науки в глазах современного ученого обречены выглядеть крайне примитивно.

С другой стороны, целиком объяснимы опасение научного сообщества в том плане, что смещение баланса в сторону принципа историзма рискует завести исследователя в другую крайность — видеть в зачаточных формах научного знания уже сложившиеся и полноценные науки. Именно таким путем в самом начале XX в. пошли панвавилонисты, значительно преувеличивавшие степень влияния шумерских, аккадских, вавилонских и ассирийских представлений на новоевропейского человека, западную культуру, государство и общество.

Но при этом не нужно, однако, забывать, что даже такой программный текст панвавилонистов, как «Babel und Bibel» Фридриха Делича, должен восприниматься тоже с учетом принципа историзма. Тогда станет ясно, что эти знаменитые сравнения ассирийских и вавилонских материальных памятников с цитатами из больших и малых пророков объяснялись не романтическим намерением воссоздания в памяти забытой древности, а имели прямое отношение к легитимации милитаристских амбиций Германской империи во время информационной подготовки к Первой мировой войне. К тому же, даже на уровне историографии ставшее привычным пренебрежение к трудам Делича, Йенсена и Иеремиаса обязано быть переосмыслено, иначе нельзя понять сущность достижений следующего за панвавилонистами поколения немецких ученых, особенно тех из них, кто внес существенный вклад в философскую мысль в ассириологии.

Историография

В сложный для Европы и мира период с 1925 по 1945 гг. были созданы ключевые работы по эпистемологическим и теологическим основаниям шумеро-вавилонской науки и религии, хотя некоторые важнейшие труды создавались и позже, вплоть до 1965 г. Круг ученых, обладавших масштабом философского осмысления клинописных источников, был крайне невелик, и был локализован в треугольнике немецких университетов Берлина, Лейпцига и Бреслау.

Поскольку панвавилонистская научная школа под руководством Фридриха Делича традиционно именуется берлинской школой ассириологии, а в Бреслау среди классиков ассириологии межвоенного периода относительно длительное время работал лишь Бруно Мейсснер, то с полным на то основанием интересующий нас круг ученых может быть назван лейпцигской школой ассириологии. Такое мнение подтверждается, в частности, Михаэлем Штреком в работе «Geschichte der Altorientalistik an der Universität Leipzig», где развитие ассириологии связывается с родоначальником этого направления в Лейпцигском университете, учеником Делича, профессором ассириологии Генрихом Циммерном.

Лейпцигская школа начинает свой отсчет с 1900 г. — даты создания Циммерном Института семитологии и археологии. Первый научный труд лейпцигской школы ассириологии — это исследование Циммерна «Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion» (1901). А уже через десять лет Циммерн издал ис-

следование по Большому вавилонскому списку богов «Zur Herstellung der großen babylonischen Götterliste An=(ilu) Anum» (1911), тем самым на долгие годы вперед задав главный ориентир для лейпцигской школы — анализ религиозных представлений месопотамского жречества на основании исследования созданных ими лексических списков.

Очевидно, что тематический круг исследований со временем стал гораздо шире, но важно отметить как раз то, что выведение на первый план исследования шумерской и вавилонской религии отличает лейпцигскую школу от других ассириологических школ. К этой же школе содержательно примыкает упомянутый уже выпускник Лейпцигского университета Бруно Мейсснер, хотя его долгая научная карьера была связана в основном с Бреслау и Берлином. На двухтомник Мейсснера «Babylonien und Assyrien» (1920-1925) часто и по делу ссылается Вольфрам фон Зоден, хотя ценит он больше собранный фактографический материал, чем его истолкование Мейсснером [33, с. 436, 442, 450-451, 455, 457-458].

Циммерн [37, 38] и Мейсснер [30] заложили основания теологического подхода к вавилонской религии, но первый действительно серьезный шаг философского осмысления эпистемологических оснований шумерских и вавилонских представлений сделал следующий представитель лейпцигской школы, ученик Циммерна, Бенно Ландсбергер. Ключевой поворот в философской мысли в ассириологии был связан с его публикацией «Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt» (1926), особенно благодаря введению в научный оборот понятия Eigenbegrifflichkeit, т. е., «своепонятийности» [7, 28].

Однако следует признать, что идеи Ландсбергера опередили свое время, и, как часто случается в истории, это повлекло за собой печальные последствия полного забвения этого труда. Лишь наиболее философски образованные и развитые ассириологи смогли осознать значимость этой работы. Оппенгейм и фон Зоден прямо ссылались на исследование Ландсбергера, а Гютербок и Фалькенштейн, как минимум, подразумевали. Через двадцать лет после своей epochal'ной работы Ландсбергер издал в Анкаре еще одну статью «Die geistigen Leistungen der Sumerer» (1945), включающее центральное для понимания шумерского политеизма понятие Göttersystem¹ [29].

К числу первых, кто продолжил дело Ландсбергера были его ученики, тоже выпускники Лейпцигского университета, Адам Фалькенштейн и Вольфрам фон Зоден. Фалькенштейн создал первую в шумерологии грамматику, основанную на философской эпистемологии, «Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš» (1949-1950). Автор книги сузил грамматику исключительно кругом источников, известных как цилиндры царя Гудеа. Идущая от Ландсбергера традиция мыслить неразрывное единство языка и мышления нашло классическое отражение в труде Фалькенштейна [20], что выводит это исследование не просто на уровень

¹ В данное время готовится к публикации наша статья, доказывающая преемственность взглядов Бенно Ландсбергера с философией мифологии «позднего» Фридриха Шеллинга.

философского осмысления шумерской теории познания, но и претендует на статус исследования в области феноменологии религии¹.

Другой ученик Ландсбергера и, одновременно, друг Фалькенштейна — Вольфрам фон Зоден сделал особенно значительный вклад в философскую мысль в ассириологии [6, 33, 34]. Его перу принадлежат две программные работы в этой области, а именно «Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft» (1936) и «Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens» (1960).

Наконец, замыкает круг классиков философской мысли в ассириологии А. Лео Оппенгейм [9, 31]. Хотя Оппенгейм не учился у Ландсбергера в Лейпциге, но зато много и близко общался с ним в период их совместной работы в Восточном институте Чикагского университета. Влияние идей Ландсбергера Оппенгейм прямо признает в своей книге «Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации» (1964), где он пишет следующее:

«Возможно, требуется также объяснение моего общего подхода к исследованию месопотамской цивилизации. Даже рискуя, что меня обвинят в новом виде панвавилонизма, я поместил Месопотамию в центре картины <...>. У меня было твердое намерение — возможно и неразумное — поддержать выдвинутую более тридцати лет назад Б. Ландсбергером теорию „Eigenbegrifflichkeit“, которая нашла очень мало сторонников» [9, с. 267].

Есть необходимость объяснить мысль Оппенгейма, почему же опора на теорию Ландсбергера может быть расценена как поддержка берлинской школы и панвавилонизма в принципе. Дело в том, что неопытный взгляд не всегда способен увидеть различие между берлинской и лейпцигской школами ассириологии. И те, и другие ставят в центр истории Древнего мира месопотамскую цивилизацию, объясняя это ее уникальным вкладом в сокровищницу мировой культуры. И Делич, и Ландсбергер настаивали на том, что шумерская и вавилонская традиции обладали настолько своеобразной культурой, что ее нельзя ставить вровень с другими. Общие основания между берлинской и лейпцигской школами можно увидеть также и в том, что они считали главным своеобразием шумеро-вавилонской духовной культуры ее религию. Однако на этом совпадения заканчиваются, и начинаются принципиальные расхождения. Берлинская школа возвышала Вавилонию и Ассирию как государственные образования далеко превосходящие библейский Израиль. Панвавилонизм исходил из предпосылки, что древние израильтяне заимствовал у вавилонян культуру и религию, а не наоборот. Фундаментальным основанием всех теоретических положений Делича, Йенсена и Иеремиаса было утверждение, в согласии с которым религиозной системой вавилонян был прамотеизм. А лейпцигская школа наоборот, своеобразность шумеро-вавилонской духовной культуры видела в шумерском

¹ В среднесрочной перспективе мы планируем посвятить феноменологическому аспекту филологии Адама Фалькенштейна отдельную работу.

политеизме, через билингвальные лексические списки, сопряженные с вавилонским политеизмом. Теория прамонотеизма берлинской школы ассириологии вступала в спор с теорией политеистической системы, системой богов, лейпцигской школы ассириологии. Но в случае с Оппенхеймом гораздо важнее не религиозная сторона месопотамской истории, а научная, а в этом плане споров между панвавилонистами и по-неокантински мыслящими ассириологами было гораздо меньше. По этой причине Оппенхейм связывает воедино поддержку теории Ландсбергера и беспокойство, что его взгляды могут быть истолкованы как панвавилонистские.

Философия и методология ассириологии

Назвав имена ассириологов и шумерологов прямо или косвенно примыкающих к лейпцигской школе, не лишним будет отметить хотя бы два из множества важнейших критериев распознавания философской составляющей в ее исследованиях. В претендующем на философское обобщение исследовании неуместным для лейпцигцев считалось наличие бессмысленного многостраничного цитирования первоисточников.

По мысли авторов книг, не учитывающих такой подход лейпцигской школы, и не всегда способных отрефлексировать этот изъян, эти переводы обязаны были бы служить подтверждением их собственных рассуждений. Однако на деле подобный подход, развивающий намерение подкрепить научные тезисы фактами и примерами из первоисточников, приводят к совершенно обратному результату — подменой аргументации бездумным цитированием.

Лейпцигская школа довольно быстро исключила эту ошибку из своих рассуждений. Но то, что значительное время такой подход в претендующих на обобщение трудах был крайне популярен, может свидетельствовать хотя бы структура научно-популярных работ С. Крамера [23] и Т. Якобсена [22]. В этом отношении даже старые работы берлинской школы ассириологии в интеллектуальном плане смотрятся гораздо привлекательнее.

Лучше всего на эту тему высказался Оппенхейм:

«Я весьма умеренно цитирую переводы древних текстов, как для подтверждения своих слов, так и в тех случаях, когда возникает соблазн дать источникам „говорить самим за себя“. Пожалуй, нельзя не признать, что переводы текстов больше могут рассказать о самом переводчике, чем о том, что стремился передать автор» [9, с. 5].

Следовательно, освобождение мышления от объемного цитирования первоисточников — важное предварительное условие для выхода на уровень философских обобщений. Филология не способна и не должна подменять собою философию.

Второй критерий состоит в умении авторов работ по шумерской и вавилонской науке, культуре и религии включать в исследование новый понятийный аппарат, если таковой, разумеется, оправдан логикой и целью исследования.

Иначе велик риск получить в распоряжение монографию, философское содержание которой заменено наукообразием.

А потому многолетнее и ответственное штудирование трудов классиков лейпцигской школы ассириологии с одной стороны служит хорошим иммунитетом против желания расцвечивать свои труды неоправданными неологизмами, а с другой — прививает у читателя вкус к грамотно построенному категориальному аппарату и основанной на нем системы аргументации. Сюда же относится включение в исследования новых, ранее не используемые в ассириологии понятий. Наличие развернутой системы категорий, заимствованной из философии, религиоведения или теологии, либо даже же созданной своими усилиями (почему бы и нет?), дает возможность ученому осмыслить научные и религиозные достижения шумеров и вавилонян на искомом философском уровне.

Теория Listenwissenschaft Вольфрама фон Зодена

Перейдем к изучению взглядов ассириолога, воплотившего в себе образец ученого, владеющего философским категориальным аппаратом и способного использовать этот аппарат для построения своей теории. Из числа представителей лейпцигской школы, наибольший вклад в понимание специфики научного знания в Шумере и Вавилоне сделал классик немецкой ассириологии Вольфрам фон Зоден, известный как выдающийся лексикограф, автор авторитетного аккадского словаря и как лингвист, создавший фундаментальную грамматику аккадского языка.

В нашем случае предлагается рассмотреть наименее изученную часть его творчества, посвященную методологии исторического исследования и истории науки. Наибольший вклад в методологию фон Зоден внес благодаря введению в научный оборот понятия Listenwissenschaft, которое в этом исследовании будет попеременно переводиться и варьироваться в двух близких, но принципиально различных смыслах.

Сразу оговоримся, что в немецком оригинале это одно понятие имеет сразу два значения. Мы же, перенося это понятие в русскоязычный контекст, в первом случае будем понимать Listenwissenschaft как «науку о списках», т. е. взгляд на лексические списки с научным содержанием с позиции современного исследователя. В таком случае, объект изучения — корпус лексических списков как исторический источник по формированию научных представлений в Шумере и Вавилоне. Во втором случае, Listenwissenschaft лучше переводить как «наука в списках», что гораздо точнее отражает способ оформления абстрактного знания в виде записей имен существительных, сведенных с помощью классификаторов в форме детерминативов к отдельным рубрикам и каталогизированного шумеро-вавилонского научного знания. Другими словами, *науки о списках* функционируют как *знание для нас*, в культурном плане, оторванном от создания зачаточных образцов научного знания и представляющих знание в его развитых формах, а *наука в списках* — как *знание для них*, т. е. в том случае, когда это знание выступало для его носителей предельным знанием о мире.

*Отношение к теории Listenwissenschaft
в классической и современной ассириологии*

Однако вскоре после своего возникновения теория Вольфрама фон Зодена встретила достаточно сильное сопротивление в лице других авторитетных ассириологов. Стало общим местом, правда, по сложившейся традиции, не называя конкретных имен, обвинять фон Зодена в абстрактном и спекулятивном характере его теории, несовместимости его взглядов с имеющимися в наличии источниками. За последние 60 лет даже сложился общий консенсус не толковать лексические списки под углом зрения теории науки в списках.

Для того, чтобы продемонстрировать характер критики теории фон Зодена представляется достаточным представить всего три позиции. В данном случае наш выбор пал на представителей трех разных научных школ ассириологии.

Первой будет представлена наиболее серьезная критика наук в списках в традиции американской ассириологической школы, представленной профессором А. Лео Оппенхеймом [31]. Хотя, как уже было сказано, Оппенхейм сам отчасти восходит к лейпцигской школе, поскольку в методологическом плане опирался на взгляды Ландсбергера.

Второй будет представлена трактовка шумерских и вавилонских наук в советской ассириологии, представленной позицией И. М. Дьяконова — авторитетного ученого, давно признанного в международном научном сообществе [4, 5].

Третьей — точка зрения французской ассириологической школы. Здесь, выбирая среди плеяды замечательных исследователей, таких как Эдуард Дорм [17, 18], Рене Лабат [25] или Жан Боттеро [12, 13], мы остановили свой выбор на наиболее современном представителе классической французской школы ассириологии Доминике Шарпене [10], по своим идеям максимально созвучного современным лингвистам, обычно игнорирующим философский аспект своей науки.

Мы убедимся в том, что, несмотря на оригинальность представленных подходов, их объединяет отказ мыслить лексические списки с философских позиций. Этим ученым (хотя позиция Оппенхейма гораздо сложнее двух других и должна рассматриваться особняком) представляется вполне достаточным и абсолютно убедительным удерживать источники на эмпирическом уровне анализа, не приемлющем никакие дедуктивные построения. Идея же о том, что в основе лексических списков существует научная система, регулирующая способ организации таких списков, обычно и трактуется как подобного рода дедуктивная конструкция.

Естественным образом возникает вопрос: на какой предпосылке основан общий консенсус об отсутствии научной системы в лексических списках? Всякий раз отвечая на него, разделяющие эту предпосылку авторы пишут о том, что объем и характер дошедших до нашего времени источников не позволяет сделать вывод о наличии подобной системы. Но верно ведь и обратное. Если нельзя сделать вывод о наличии такой системы, то нет никакой возможности

уверенно утверждать об ее отсутствии. Этот довольно простой и ясный логический вывод, целиком объяснимый в русле идей авторов, скептически оценивающих наши возможности понять содержание лексических списков, в приведенных трудах как правило отсутствует.

Между тем о том, каковы причины исключения из ассириологического дискурса эпистемологических вопросов, нам уже приходилось ранее писать [3, с. 58-70]. Однако в новом исследовании наша аргументация будет построена иначе. новой формулировке тезис звучит так — «*наука в списках*» Вольфрама фон Зодена имеет право на существование в ассириологии как минимум в виде философской гипотезы.

Согласие либо же отрицание теории Listenwissenschaft обязано отталкиваться от рациональной аргументации, а не апеллировать к здравому смыслу. Последнее мы будем рассматривать в качестве отказа от научной дискуссии и как не соответствующий научной этике переход к риторическим средствам, нерелевантных характеру обсуждаемых проблем.

Не может не удивлять, что современная ассириологическая историография за последние двадцать лет, за исключением популярных трудов вроде книги Шарпена, почти ни разу не обращалась к научному анализу взглядов В. фон Зодена. Единственным исключением стала работа Маркуса Хильгерта «Von „Listenwissenschaft“ und „epistemischen Dingen“. Konzeptuelle Annäherungen an altorientalische Wissenspraktiken» (2009) [21]. Но эта работа, в которой проводится оригинальное и весьма неожиданное сравнение идей фон Зодена и Бруно Латура, требует особого внимания и поэтому здесь рассматриваться не будет.

Если же говорить о том, с какой целью мы обращаемся к теории фон Зодена, то цель абсолютно ясна — включить теорию Listenwissenschaft, и, шире, обсуждение проблемы организации шумеро-вавилонских лексических списков, в круг философских обсуждений. Как показывает практика, ни филологии, ни истории для решения методологических вопросов без учета ресурсов философии зачастую оказывается недостаточно. Ограничив круг задач раскрытием специфики теории науки о списках, мы тем самым включили философский подход к анализу эпистемологии лексических списков, что в этом проблемном поле существенно обогащает методологию исторических наук.

Для лучшего понимания круга исследуемых вопросов желательно предварительное ознакомление со словарными статьями Уилфреда Ламберта «Göttergenealogie» [26, с. 469-470] и «Götterlisten» [27, с. 473-479], а также статьей Антуана Ковинье «Lexikalischelisten» [14, с. 609-641]. Их несложно найти в «Realexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie».

Общее строение и внутреннее устройство теории Listenwissenschaft

Сразу же рассмотрим внутреннее устройство науки о шумерских и вавилонских лексических списках. С целью, чтобы в дальнейшем легче было воспринимать предложенный материал, ниже представлены диаграммы с систематизацией

представлений Вольфрама фон Зодена (Рис. 1-5)¹. Для начала фон Зоден распределяет древние и средневековые культуры по принципу количества языков, доминирующих в каждой подобной культуре. Обращает на себя внимание то, насколько зыбкой в общей классификации выглядит класс многоязычных культур. Достаточно ясно, что ученый сосредоточил основное внимание только на классах одноязычных и двуязычных культур. Перечислив их все, из двуязычных культур фон Зоден выделяет ассирийскую и вавилонскую, а главное внимание сосредотачивает на последней из двух. Подчеркнем, что это лишь общая контекстуальная рамка, поэтому нет смысла верифицировать правильность трактовки фон Зоденом распределения одноязычных и двуязычных культур (рис. 1).

Двуязычие в культуре древнего Вавилона

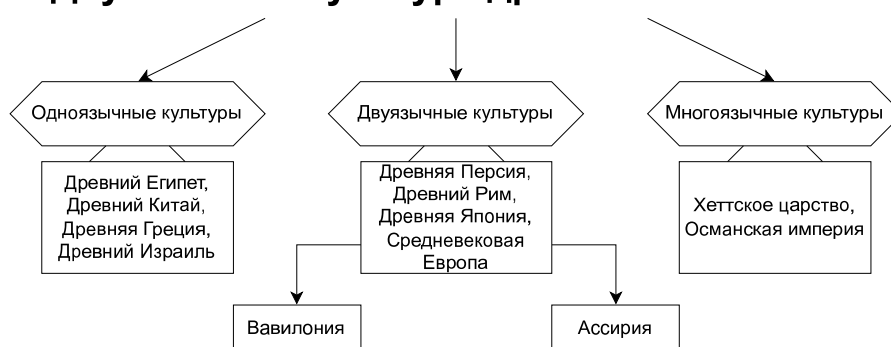

Рис. 1. Систематизация представлений В. фон Зодена о двуязычии в культуре древнего Вавилона

Fig. 1. Systematization of W. von Soden's ideas on the bilingualism in the culture of ancient Babylon

Определив таким образом вообще сам факт существования в истории Древнего мира и Средних веков, т. е. эпохи Премодерна, одноязычных, двуязычных и многоязычных культур, далее фон Зоден говорит только о шумерской монолингвальной культуре и вавилонской билингвальной культуре. Вполне закономерно, что следующим шагом фон Зодена в развертывании своей системы состоит в том, какое смысловое наполнение содержит само понятие культуры. В общем плане культура состоит из письменного языка, истории и литературных памятников (рис. 2).

После раскрытия особенности строения шумерской и вавилонской духовных культур фон Зоден переходит к центральной части теории науки в списках — шумерскому и аккадскому языкам. Главное различие состоит в морфологии этих двух языков. Эта часть, предваряющая развертывание теории наук в списках, в своем изложении строго подчинена своепонятийности, своеобразию вавилонских понятий, главного понятия из теории Ландсбергера, где анализ языка занимал центральное место (рис. 3).

¹ Диаграммы по нашей просьбе созданы Павлом Кориковым, в связи с чем автор исследования выражает ему благодарность.

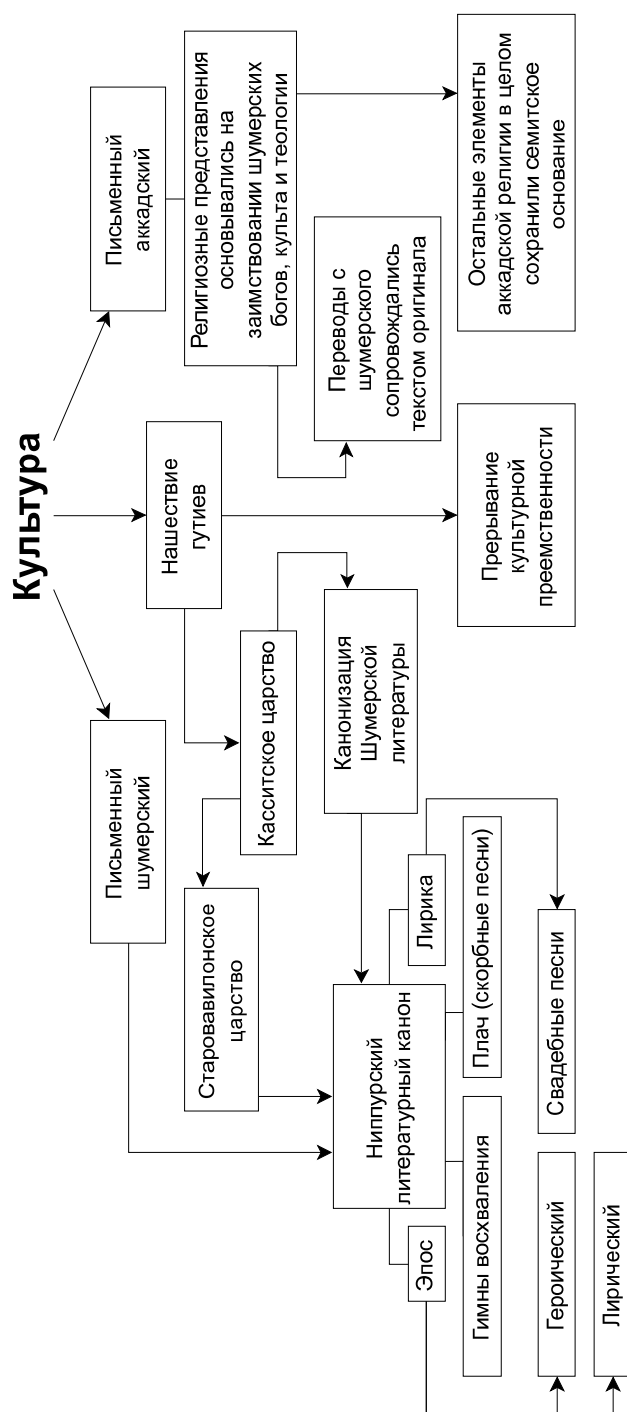

Рис. 2. Систематизация представлений В. фон Зодена о культуре

Fig. 2. Systematization of W. von Soden's ideas on the culture

Рис. 3. Систематизация представлений В. фон Зодена об языке

Fig. 3. Systematization of W. von Soden's ideas on the language

Нигде более так не видна преемственность между теориями Бенно Ландсбергера и Вольфрама фон Зодена, как на этой части диаграммы. Уникальная способность двух филологов переносить языковой материал на философское основание позволяет продвинуться дальше, чтобы вплотную приблизиться к наукам в списках. Тем более неожиданным может показаться переход от понятий культуры и языка к проблемам религии. Как станет ясно немного позже, фон Зоден не посчитал нужным скрыть роль религии в формировании шумерской и вавилонской науки, в данном конкретном случае — науки в списках. Вавилонская наука восстанавливается только при условии понимания внутренней соподчиненности представленных в диаграмме блоков, а строгая иерархия теории науки о списках в процессе перехода от наиболее общих понятий к более конкретным требует решения вопроса, что было первично — культура, язык, религия или наука.

В начальной части нашего исследования подробно объяснялось зачем применять принцип историзма. В этом конкретном случае, когда язык укоренен сразу в нескольких регионах науки в списках, нужно твердо себе уяснить, что шумерская и вавилонская (аккадская, ассирийская) языковые культуры в этой системе подчинены религии. А к этому выводу нельзя прийти без понимания исторической специфики формирования системы знаний царств Шумера и Аккада. Но такой характер подчинения культуры и языка религии выясняется не через их содержание, а через форму. Оформление картины мира происходит

через списочное строение шумеро-вавилонского знания, как системы представлений в индивидуальном или коллективном сознании (рис. 4).

Рис. 4. Систематизация представлений В. фон Зодена о религии

Fig. 4. Systematization of W. von Soden's ideas on the religion

В результате на наших глазах постепенно восстанавливается целостная картина религиозной картины мира исследуемого региона. Картина мира — это нужно подчеркнуть как оригинальное и еще до конца не оцененное достижение лично фон Зодена — глубоко упорядочена. Представленный в сознании мир каталогизирован под религиозным углом зрения. Само же знание упорядочено в системе наук в списках. Современного человека не может не поразить степень подробности шумерского каталога знаний, соподчиняющий одновременно десятки областей знаний пусть даже в тяжеловесной списочной форме (рис. 5).

В целом нужно признать, что наука в списках отражает стандартное представление о составе шумерских, аккадских, вавилонских и ассирийских наук. Но, как выяснится из дальнейшего хода нашего исследования, отличительная черта во взглядах фон Зодена состоит в предположении, что все эти науки объединяет заложенная внутри списков система. Именно то, что научное знание представляет собою не набор случайных наблюдений, а мышление из единого принципа, позволяет фон Зодену включить в свое объяснение представление о системе в науки о списках.

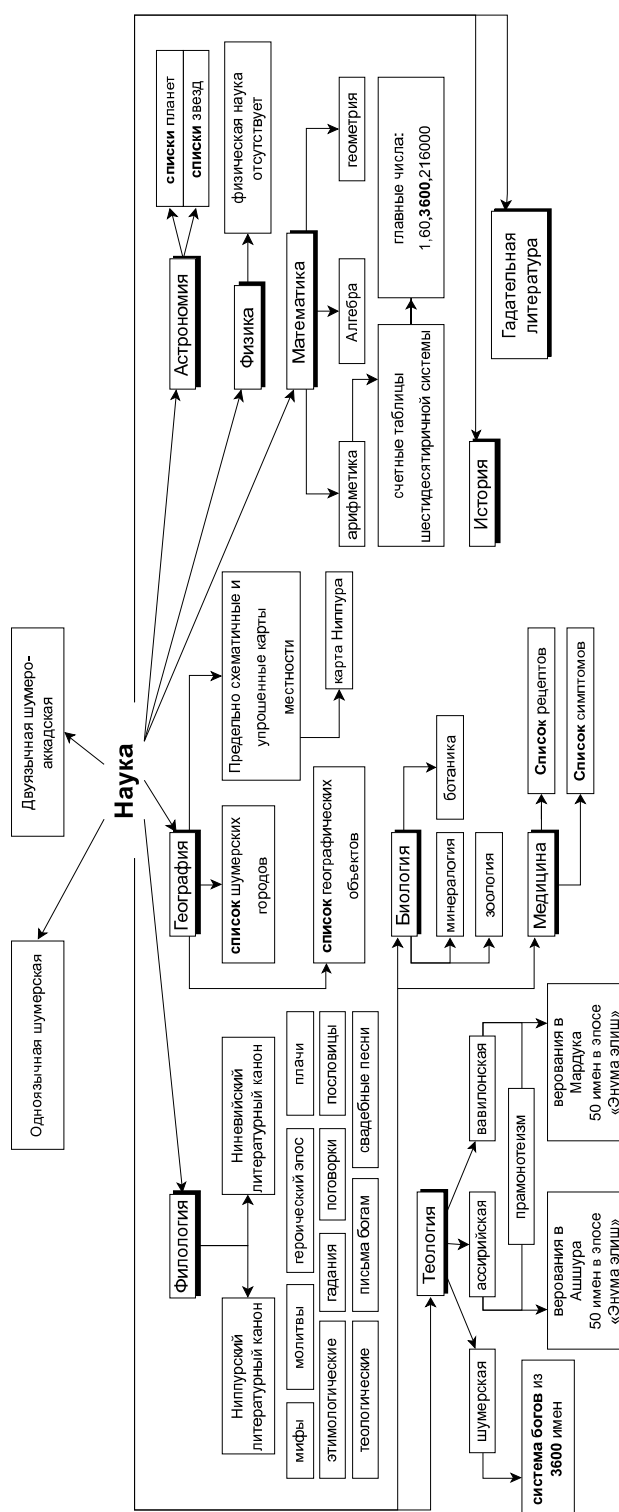

Рис. 5. Систематизация представлений В. фон Зодена о науке

Fig. 5. Systematization of W. von Soden's ideas on the sciences

Теория Ordnungswille u Zweisprachigkeit Вольфрама фон Зодена

Чтобы иметь более корректное представление о взглядах фон Зодена, имеет смысл уточнить, что поздняя (рассматриваемая здесь) версия теории Listenwissenschaft предполагает знакомство с еще одной его теорией — Zweisprachigkeit — теорией двуязычия или билингвизма вавилонян, отраженного в лексических списках (Рис. 1). Задача фон Зодена состоит в том, чтобы под углом зрения билингвизма выявить своеобразие понятий духовного мира вавилонян, отличающихся от своеобразия понятий шумерской духовной культуры. Идея Zweisprachigkeit в поздней редакции теории «наук в списках» заняла место теории Ordnungswille из ранней теории Listenwissenschaft.

В теории 1936 г. фон Зоден делал ставку на раскрытие наук в списках через полумистическое представление о стремлении вещей притягиваться друг к другу, для того, чтобы встроиться в единую систему. А в преломлении вавилонского сознания взаимосвязь вещей, по фон Зодену, была представлена в виде объективной воли к упорядочиванию мира, что якобы и повлекло за собой создание многочисленных лексических списков. Эту теорию много и активно критиковал А. Лео Оппенгейм. Детальный разбор этой полемики дан в нашем исследовании в соответствующем разделе.

В поздней версии «науки в списках» 1960 г. такое толкование фон Зоденом уже не применяется, а вместо него возникает более рационально обоснованная теория билингвизма. Теория Zweisprachigkeit проблематизирует тему *соотношения шумерского и вавилонского способа мышлений и характер их взаимодействия внутри письменных источников*.

Источниковедческие вопросы в отношении теории Listenwissenschaft

В качестве основного источника по теории Listenwissenschaft мы возьмем статью «Двуязычие в духовной культуре Вавилонии», на основе которой сделана предложенная выше диаграмма. Немецкоязычный оригинал был издан отдельной брошюрой в Вене в 1960 г. Насколько нам известно, ни полностью, ни частично эта работа, написанная и изданная по-немецки, на другие языки не переводилась¹. Несмотря на краткий формат научной статьи, исследование фон Зодена имеет программное значение и наряду с трудами Циммерна, Мейсснера, Ландсбергера, Фалькенштейна и Оппенгейма может считаться одним из главных достижений ассириологии в области философского изучения вавилонской культуры, хотя по жанру она целиком вписана в формат исторического исследования.

Комментарий и интерпретация взглядов фон Зодена, несмотря на малый объем текста, представляет значительные трудности. Идеи изложены настолько компактно и в таких емких формулировках, что раскрыть их без искажений, не

¹ Русский перевод, находящийся в рукописи и пока полностью неопубликованный, был осуществлен по нашей просьбе переводчиком А. И. Ведровым в 2015-2016 гг. Русскоязычная версия работы В. фон Зодена насчитывает 19 страниц, цитирование будет осуществляться с опорой на эту рукопись.

обращаясь к цитированию этой работы, не представляется возможным. В то же время невозможно просто ретранслировать позицию фон Зодена, не дополняя его точку зрения реконструкцией исторического и текстологического контекста. Без таких вставок и без того сложная мысль фон Зодена окажется читателю вообще непонятной.

Вследствие указанных причин мы вынуждены ограничиться описанием лишь незначительной части теории Listenwissenschaft, сконцентрировав все внимание на четырех страницах (в переводе это 7-10 страниц), где сосредоточено описание вавилонской теологии. Другие сюжеты, во-первых, выше продемонстрированы на диаграмме (интеллектуальной карте; рис. 1-5), а во-вторых, будут возникать в тех частях нашего исследования, где находится реконструкция полемики с теорией фон Зодена со стороны Оппенхейма, Дьяконова и Шарпена. Такой подход оправдан еще и потому, что такие регионы науки в списках, как география, ботаника, зоология, медицина, мантика, астрономия и другие науки в списках подробно рассмотрены в научной литературе, например, в статьях И. Дьяконова [4, 5], М. Сивила [15], Д.-О. Эдзарда [19] и монографии Н. Вельдхейса [35].

Система шумерского политеизма

и вавилонская отождествляющая теология в Listenwissenschaft

Уникальность вклада фон Зодена в тематические лексические списки не может быть полностью понятой без учета его размышлений по поводу шумерского политеизма и вавилонской отождествляющей теологии. Если современные ассириологи склонны сводить эту часть шумеро-вавилонской культуры, по крайней мере в рамках своих научных изысканий, к маргинальным сюжетам, то фон Зоден делает постановку вопроса о связи шумерской и вавилонской религии в лексических списках главной темой, и, тем самым, ставит *шумерские и вавилонские списки богов на центральное место в развитии вавилонской духовной культуры*. Ранее было сказано, что теорию Listenwissenschaft, науки в списках, нельзя полностью понять без теории Zweisprachigkeit, вавилонского шумеро-аккадского двуязычия. Вследствие этого фон Зоден сравнивает одноязычные шумерские лексические списки и двуязычные шумеро-вавилонские списки. Как первые, так и вторые списки, если они объясняют религиозную и мифологическую сторону существования жителей Шумера и Вавилона, фон Зоден трактует как выражение докатегориального мышления, в каком-то смысле, это мышление личными и нарицательными именами божеств.

Мышление через включение в его акты имен богов фон Зоден определяют в понятии «теологического мышления»: «Самую характерную для двуязычия теологического мышления в Вавилоне форму выражения представляет собой список богов» [6, с. 8]. Само это словосочетание впервые встречается у фон Зодена, хотя о «теологической науке» у вавилонян и про вавилонских «теологов» писал уже Мейсснер [30, с. 102]. Имеет смысл уточнить еще один нюанс: Мейсснер, в отличие от фон Зодена, различает мифологию и теологию, что у фон Зодена ясно не прописано.

Pantheon Babylonicum Антона Даймеля

В этом отношении уникальна позиция Антона Даймеля, автора лексикографического свода вавилонских божеств «*Pantheon Babylonicum*» (1914 г., второе издание — 1950 г.). Как католический монах Даймель не позволяет себе назвать политеистическую религию словом «теология», руководствуясь, как кажется на первый взгляд, соображением, что только лишь монотеистическая религия имеет право именоваться теологией [16].

Если даже это так, ни Мейсснера, ни фон Зодена такие предубеждения Даймеля в научном плане не останавливают. Принцип историзма позволяет представителям лейпцигской школы выявлять теологические представления в лексических списках, хотя способ реализации этой теологии абсолютно далек от идеалов «Суммы теологии». В лучшем случае теология лексических списков могла бы оказаться в одном из разделов «Суммы против язычников» (хотя вопрос о соотношении монотеистической христианской теологии и политеистической шумеро-вавилонской теологии гораздо сложнее, чем просто отнесение последней к категории язычества). Но также нельзя считать позицию Даймеля абсолютно необоснованной. На самом деле ход мысли католического ассириолога состоит не в том, что по религиозным соображениям нельзя назвать политеистическую систему теологией, а в том, что ассириология не вполне способна совладать с теологической терминологией независимо от того, идет ли речь о протестантской или католической теологии.

Даймель отчасти проложил этот путь по крайней мере в отношении используемых теологических понятий. В новом издании каталога «*Pantheon Babylonicum*» (1950), в кратком предисловии, уже написанном на немецком языке (а не на латыни, как в первом издании), множество раз варьируются понятия Göttern в таких словосочетаниях, как Götternamen Götterephiteta, Götterkatalog, Götterauflistung, Götterlisten, Götterverzeichnis, пусть и принимаемых в христианской трактовке как «falschen Göttern der Babylonier» [16, с. V-VII]. Среди этих понятий как-то менее значимым становится более привычное для первого издания и однозначное по своим оценочным качествам понятие Pantheon. Такая эволюция в словоупотреблении явно указывает на желание Даймеля включить осмысление вавилонской религии в более понятийно определенную теологическую систему.

Ведущая от Антона Даймеля римская школа ассириологии в этом плане шла вслед за рефлексией лейпцигской школы. Уже Мейсснер четко разграничивал такие рубрики вавилонской религиозной системы, как пантеон, жречество, культ, космологию, теологию, религиозную литературу и магию, причем четко по первоисточникам разграничивая каждую из указанных рубрик [30, с. VIII]. А как раз между вторым томом книги Мейсснера и вторым изданием каталога Даймеля в философскую мысль в ассириологии вошло еще одно, возможно, главное для понимания специфики шумеро-аккадской религии и мифологии, предложенное Ландсбергером понятие — Göttersystem.

Эпистемологические основания вавилонской отождествляющей теологии

Но безусловный прорыв, несмотря на перечисленные уже достижения, связан с творчеством фон Зодена. Понятие «вавилонская теология» вводилось не просто для отождествления верований шумеров и вавилонян с привычными для монотеистических религий систематизации знаний о боге, но с целью поиска системного принципа, лежащего в основе этой теологии. Соответственно, чтобы найти подобный принцип фон Зодену требовалось не только сместить акценты с анализа материальной культуры на духовную культуру, но и в самой духовной культуре исключить все области кроме мышления.

При такой постановке вопроса мышление уже несуществующих в истории народов возможно было исследовать только через памятники письменной культуры, причем преимущественно заслуживали внимание только те из них, что регулируют сферу религиозного мышления. В таком случае верным был бы подход, позволяющий рассмотреть отличие представлений шумеров и вавилонян о божественной сущности, а значит — выходить на эпистемологический уровень анализа мышления.

Тематизация проблем мышления стало отличительным признаком теории «науки о списках». Вровень с достижениями фон Зодена шли только отдельные труды Ландсбергера, Фалькенштейна и Оппенгейма. Декларирующий же преимущество от Рудольфа Отто Торкильд Якобсен со своим «Сокровищем тьмы» и в малой степени не был приближен к лейпцигской школе, и, соответственно, частью этого интеллектуального дискурса.

Рассмотрим фрагменты текста из статьи, описывающей теорию науки в списках, уделив особое внимание частям, описывающим различие религиозного мышления шумеров и вавилонян.

«Мышление как шумеров, так и аккадцев определяла в первую очередь религия. Но представления о сущности божества у этих народов сильно различались. Крупные шумерские божества, изначально олицетворявшие силы космоса и природы, в ходе недостаточно известной нам долгой эволюции в главных культовых городах заполучили настоящие государства богов со структурой, аналогичной управлению в городе-государстве. Количество богов, которые, согласно таким представлениям, действовали на небольшом пространстве, тем самым настолько увеличилось, что приведенное позднее круглое число 3 600 наверняка не было большим преувеличением.

Вавилоняне переняли этот огромный пантеон и включили в него собственных богов. Поскольку же для семитов боги прежде всего обладали властью, они не могли представить такое количество богов на таком небольшом пространстве. Вместе с тем, их мышление было так сильно привязано к шумерской традиции, что теологи не могли просто-напросто исключить утратившие для них актуальность фигуры из пантеона. Поэтому они создали, возможно, опираясь на образец шумерских богословских положений, мыслительное построение, которое мы можем охарактеризовать как отождествляющую теологию.

Согласно этой теологии, подавляющее большинство известных нам божественных образов следует рассматривать как ипостаси меньшего числа богов, не обладающие самостоятельной сущностью. Чем более знаменитым был бог, тем больше он имел ипостасей. Например, Мардуку из Вавилона теология вавилонского эпоса о сотворении мира, который, вероятно, возник в касситскую эпоху приблизительно в XV веке, приписывала 50 имен. И все-таки во II тысячелетии даже после подобной редукции государства богов сохранялся весьма внушительный пантеон, чьи образы были сходными друг с другом. Поэтому позднейшие теологи пошли намного дальше и в конце концов свели всех так называемых больших богов к простым ипостасям, подчас даже к частям тела того бога, который почитался по преимуществу. Но эта более радикальная форма отождествляющей теологии не могла укорениться везде, поскольку ее сложно было совместить с традицией и поскольку она представляла серьезную экономическую угрозу для крупных храмовых культов.

Но прежде всего невозможным было согласие по поводу вопроса, какого из прежних больших богов следует рассматривать как божество в собственном смысле. Для теологов Вавилона это был Мардук, для других — Нинурта или Набу, в Ассирии речь шла об Ассуре и т. д. Это привело к образованию в I тысячелетии такого теологического клубка, который распутать практически невозможно» [6, с. 7].

Распутать этот клубок возможно. Но для начала определим общий ход мысли фон Зодена, переведя его высказывания в краткие тезисы:

- 1) религия определяла картину мира шумеров и вавилонян;
- 2) представления о боге у шумеров и вавилонян различались;
- 3) шумерский пантеон мог насчитывать до 3 600 богов;
- 4) вавилоняне отождествляли своих и шумерских богов по причине их огромного количества;
- 5) отождествляющая теология была представлена в двух вариантах — умеренном и радикальном;
- 6) умеренный вариант отождествляющий теологии ограничивался перенесением свойств своих богов на шумерских;
- 7) радикальный вариант состоял в сведении шумерских больших богов к ипостасям главного вавилонского бога Мардука, или же других вавилонских богов;
- 8) радикальная отождествляющая теология во всех других месопотамских городах, так же, как и в Вавилоне, ипостаси шумерских божеств сводила к своему главному богу, как, например, это произошло с культом Ашшура;
- 9) свести все вавилонские пантеоны к единому шумерскому прототипу невозможно;
- 10) путаница в пантеонах возникла к середине I тыс. до н. э., т. е. уже ко времени распада Нововавилонского и Новоассирийского царств.

Переход от отождествляющей теологии к лексическим спискам

Обратим внимание на то, что пока речь шла только о пантеонах, но не о лексических списках. Наблюдения фон Зодена над шумерской и вавилонской религией в этой части опираются только на мифологические тексты. Например, когда ученый говорит о 50 именах Мардука, то речь безусловно идет о VI-VII таблицах эпоса «Энума Элиш», где все эти имена даны в виде длинного гимна в честь главы вавилонского пантеона.

На первом этапе разворачивания своей теории фон Зоден не говорит о Большом вавилонском списке богов, где существуют серьезные смысловые пересечения с указанным эпосом, а лишь декларирует сведение больших шумерских богов к ипостасям Мардука. Это не совсем корректно. Большими богами фон Зоден может именовать только лишь семь главных богов Шумера и никого другого: Ана, Энлиля, Энки, Инанну, Нанну, Нинурту и Уту, благодаря отождествляющей теологии переименованных в Ану, Эллиля, Эйу, Иштар, Сина, Нинурту и Шамаша. Только Нинурта у вавилонян сохранил свое изначально шумерское имя, остальные же боги обрели вавилонские имена. На самом деле, даже в «Энума Элиш» никто из представленных семи богов не фигурирует в виде ипостаси Мардука. Пятьдесят имен, о которых говорит фон Зоден, в большинстве своем представляют, за редчайшим исключением, абстрактные наименования, а не имена уже существующих богов.

С проблемой существования отличающихся пантеонов в разных городах Вавилонии и Ассирии тоже было не так сложно, как считает фон Зоден. Например, когда во главе пантеона на место Мардука становится Ашшур, то вся нижняя конструкция под ним остается неизменной и полностью идентичной вавилонскому пантеону — опять же, если мы ограничиваемся мифологическими текстами, а не говорим о лексических списках.

Радикализируем свое утверждение и скажем следующее: вне лексических списков богов как шумерская, так и вавилонская теология достаточно примитивны и представлены гораздо меньшим числом богов, чем в случае, когда в работу включаются лексические списки. Пока пантеон существует вне списка, то не может быть и речи ни о какой теологии.

Мифологическая литература и лексические списки

Шумерская и вавилонская мифология транслируют в коллективное представление ограниченное число действующих лиц, вряд ли выходящих за сотню даже вместе с различными демонами, колдунами, волшебниками, смертными царями, людьми, реальными и фантастическими животными, рыбами и птицами. Без лексического списка ни обычной, ни отождествляющей теологии нет. Вольфрам фон Зоден это хорошо понимал, поэтому далее по тексту раскрыл особенности различия канонических мифов и лексических списков, объясняя то, как они соотносятся с религией и литературой. По сути именно обращение к лексическим спискам позволяет распутать запутанный клубок шумерских и вавилонских пантеонов. А главное, пока шумерские списки богов не рассматриваются как

ценность сама по себе, мы не можем выйти на философский уровень анализа религии шумеров и вавилонян.

Содержание мифов само по себе никак не помогает проникнуть в способ мышления исчезнувших с реальности народов независимо от того, говорят ли эти мифы об эпистемологической специфике такого мышления или же теологической. В обоих случаях нужно искать форму изложения учения о богах и каждом отдельном боге, а не стремиться реконструировать мышление с помощью интерпретации мифов. Более того, вне лексических списков, утверждаем мы — и скоро убедимся, что об этом пишет и фон Зоден — мифологические тексты вообще не несут никакого познавательного смысла, а превращаются в анонимный и бессмысленный фольклор. Лишь в сопряжении мифа и лексического списка возникает возможность встроиться в логику шумерского мышления.

Но подчеркнем и то, что ранее мы оставляли без должного внимания, но на чем призывает нас сконцентрироваться фон Зоден: он пишет, что у шумеров и вавилонян «представления о сущности божества <...> сильно различались» [6, с. 7]. Ученый объясняет, что вавилонянам было сложно оперировать огромным шумерским пантеоном, что приводило как к необходимости редуцирования их числа, так и сведения разных божеств к ипостаси какого-нибудь одного из них. Это не совсем соотносится с источниками, поскольку Большой вавилонский список богов охватывает больше имен, чем известные шумерские списки богов вместе взятые (Список богов из Фары, список богов из Абу-Салабиха, Ниппурский список богов, список богов Женуйяка, список богов Вайднера). Понятно, что даже Вавилонский список включает по преимуществу шумерский пантеон, лишь с вкраплением семитских пантеонов. Но этот список создавался жрецами бога Мардука, и нет никаких причин считать, что в этом списке использована в полном объеме ресурс отождествляющей теологии. Шумерские боги по преимуществу остались на тех же местах, какие занимали в шумерских списках богов, и никто из них не исчез с помощью отождествления шумерского прототипа с доминирующим в культуре вавилонским богом.

Также не кажется вполне убедительной идея, что поглощение шумерских божеств вавилонскими не происходило по причине экономической целесообразности. Так, фон Зоден пишет о том, что жречество могло воспрепятствовать отождествляющей теологии, поскольку исчезновение в таком отождествлении тех или иных божеств привело бы к отсутствию храмовых жертвоприношений и, как следствие, прекращению работы храмов, посвященным культу редуцированного в теологии божества. Этот вывод нарушает логику самого же фон Зодена, ранее писавшего, что «мышление как шумеров, так и аккадцев определяла в первую очередь религия», а значит религиозная сторона жизни определяла экономическую, а не наоборот.

И тем не менее, несмотря на высказанные нами критические соображения, нельзя не признать стройность конструкции фон Зодена, ведь сочетание в одном билингвальном мышлении двух типов религиозных систем действительно пред-

полагало необходимость их совмещения. Под вопросом остается лишь верность рассуждения фон Зодена о том, что это взаимное напряжение двух теологий определяла категория количества, но сам факт фиксации такого напряжения уже становится достойным результатом анализа шумерской и вавилонской религий.

Главное же достижения фон Зодена было в том, что ему удалось совсем иначе, чем это было свойственно другим ассириологам, рассмотреть лексические списки. Никто, за исключением Ландсбергера, не подошел так близко к пониманию эпистемологического значения лексических списков, в первую очередь списков богов. Раскроем в общих чертах характер умозаключений фон Зодена, снова воспользовавшись фрагментом его статьи:

«Для духовных высказываний в шумерской литературе <...> сформировались лишь две главные формы: религиозная поэзия <...> и список. Позднее <...> наряду со списком знаков, который теперь содержал достаточно спорадический выбор существующих понятий и названий, возник тематически упорядоченный список слов и имен, также состоящий из одного столбца и не содержащий пояснений. Его заданием было воссоздание в одном столбце порядка мира предметов и явлений, схваченного в именах и названиях. Этот компендиум списков, со временем растущий в объеме, охватывал прежде всего списки богов, звезд, географических названий, классов людей, животных, растений и минералов, а также созданных людьми предметов. Если бы этот компендиум был в нашем распоряжении полностью и если бы мы могли истолковать приведенные в нем названия, мы могли бы узнать благодаря ему, из чего для шумеров состоял мир.

Даже сейчас мы узнаем благодаря ему, что дар наблюдения у шумеров был развит слабо; например, они различали всего несколько изображений звезд и удовлетворялись довольно грубыми и внешними классификациями животных, растений и минералов. Их интересовали не столько вещи как таковые, сколько их взаимное расположение созданном богами мировом порядке, который представлялся им неизменным.

Соответственно, мы не можем предполагать, что при преподавании рационально объяснялась систематика списков или отдельные названия, и при этом добавлялись недостающие определения понятий. Скорее этот порядок иллюстрировался в преподавании с помощью мифов и других видов литературы, рассказывающей о создании или восстановлении порядок после периодов хаоса или трудностей.

Для шумеров одномерные списки были систематическими дополнениями к поэтическому вымыслу, который по своей природе мог прояснить порядок только в общих чертах» [6, с. 8-9].

Заново переведем набор суждений фон Зодена в формат тезисов, демонстрирующих, что:

- 1) шумерская религия высказывала себя через шумерскую литературу;
- 2) шумерская литература существовала в виде религиозной поэзии и лексических списков (причем не преимущественно, а всецело, другие типы источников, нерелевантны для анализа шумерской религии);

- 3) из потока религиозной поэзии для анализа религии шумеров имели значения только входящие в канон произведения (Дьяконов называл набор канонизированных мифов «ниппурским литературным каноном»);
- 4) лексические списки существовали в двух принципиально разных видах — списках в форме случайно или ситуативно включенных понятий и списках построенных по тематическому принципу (наверное, более точно было бы назвать их различие в том, что первые строились по фонетическому принципу, а вторые — по семантическому);
- 5) главный, хоть и глубоко спрятанный в статье тезис, — тематически упорядоченные списки составлялись с целью «воссоздания в одном столбце порядка мира предметов и явлений, схваченного в именах и названиях»; классификация тематически упорядоченных лексических списков имела систематический характер и состояла в перечислении имен по родовым, видовым и индивидуальным критериям «богов, звезд, географических названий, классов людей, животных, растений и минералов, а также созданных людьми предметов»;
- 6) в нашем распоряжении не полный каталог списков; если бы сохранились бы все лексические списки, то мы бы знали, «из чего для шумеров состоял мир»;
- 7) судя по спискам, умение различать предметы у шумеров было развито слабо¹;
- 8) в лексических списках главное не «вещи как таковые, сколько их взаимное расположение созданном богами мировом порядке», т. е. важен способ организации вещей как внутренних элементов системы (здесь мы находим варьирование пятого тезиса, дополненного суждением о существовании принципа системности при составлении тематически упорядоченных лексических списков);
- 9) во время обучения письму и переписывании клинописных таблиц систематика списков рационально не объяснялась, о чем свидетельствует полное отсутствие отдельных таблиц с комментариями тематических списков;
- 10) комментарием к систематике списков служила религиозная поэзия, преобразованная в набор канонических книг, религиозная поэзия

¹ Этот тезис Вольфрам фон Зоден получил в наследство от Бенно Ландсбергера. Идея состоит в том, что, если, например, определенный цвет не был представлен в лексических списках, шумеры этот цвет не различали. Это умозаключение было настолько уязвимо для критики, что зачастую выступало главным аргументом против теории *Eigenbegrifflichkeit*. Однако же сила подобной критики состояла только в том, что она с беспечностью ребенка не осознавала, что суждение Ландсбергера было высказано не просто так, а встроено в сложнейшую гносеологическую теорию неокантианца Генриха Риккерта. См. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. С. 158-206.

и лексические списки были взаимодополняющими и взаимообъясняющими литературными источниками, в синтезированном виде определяющие своеобразие шумерской религиозной системы.

Комментарий к тексту фон Зодена и извлеченным из текста тезисам будет краток. Прежде всего обратим внимание на то, что *Listenwissenschaft* существует в двух формах, первая из которых рассмотрена выше. С одной стороны, речь идет о монолингвальных, одноязычных шумерских лексических списках, представляющих собою замкнутую систему. Эти списки не имеют ни комментариев, ни объяснений. Записанные в столбик имена существительные обязаны быть истолкованы не из определений, а через включение этих существительных в религиозную поэзию. Верно и обратное, герои религиозной поэзии могут быть правильно поняты, в том числе на уровне структуры образа, его мотивов и сюжета произведения, в который встроен образ, только в случае определения их точного места в лексическом списке. Такой принцип не является исключением лишь для списков шумерских богов, но и применим к области мира одушевленных и неодушевленных вещей. Так, люди, животные, птицы, рыб или минералы обязаны быть истолкованы не как примеры зачаточных форм естествознания, но как элементы реальности в религиозной поэзии шумеров.

Listenwissenschaften как элемент системы Geisteswissenschaften

Чтобы не входить в пространные рассуждения на эту тему, достаточно напомнить о фундаментальном характере различий между *Naturwissenschaften* и *Geisteswissenschaften*, которое можно найти как минимум в неокантианстве, не говоря уже о философии жизни или феноменологии религии. С учетом этого различия становится не менее очевидно и то, что *Listenwissenschaften* представляют собой отдел *Geisteswissenschaften*, а последние, нужно это четко понимать, совсем не сводятся к области каких-либо «гуманитарных наук». Далее, как религиозная поэзия, так и лексические списки являются не столько каталогизацией вещей в природе, по крайней мере потому, что не принадлежат к региону *Naturwissenschaften*, сколько фиксацией восприятия мира, еще нерасчлененного на внутренний и внешний, на посюсторонний и потусторонний миры. Лексические списки описывают не вещи как они существуют сами по себе, а лишь результат наблюдения за вещами. То, что фиксируется через восприятие и переходит в память, далее преломляется в сознании как нечто значимое для запоминания, и уже благодаря ценности вещей, уже после предварительной инвентаризации, транслируется религиозную поэзию и лексические списки.

Важно, что фон Зоден не оставил без внимания вопрос о случайности или необходимости попадания данных в сознании вещей в лексические списки, благодаря чему проясняется тезис, что для шумеров, судя по оставленным ими памятникам духовной культуры, важны были не вещи сами по себе, а способ организации вещей, характер их расположения по отношению друг к другу. Намекает ли фон Зоден на то, что в основании лексических списков мы натал-

квиваемся на обычный для ранних и примитивных культур пантеизм? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным.

Если принять тезис фон Зодена, что в основании лексических списков, согласно теории *Listenwissenschaft*, заложен системообразующий принцип, то сводить его просто к идее пантеизма означает просто разрушить всю, с таким трудом построенную, умозрительную конструкцию. Не шумерский пантеизм является системообразующим принципом тематически устроенных лексических списков, но шумерский политеизм. Чтобы ощутить весомую разницу между пантеизмом и политеизмом, с определенной долей условности, первое можно охарактеризовать как народную религию, включающую в себя, например, фольклор и магию, а второе — как жреческую религию, умозрительную настолько, насколько обладающим навыком письма людям хватало терпения составлять бесконечные колонки имен существительных, регламентирующих способ восприятия мира и диктующих связь представлений в сознании.

Weltordnung u Ordnungswille

Наконец, фон Зоден гораздо аккуратнее, чем в ранней версии теории *Listenwissenschaft*, встраивает представление об *Ordungswille*, объясняющий систему шумерского *Weltordnung*. Теперь, в поздней версии, место концепции о существовании безличной воли, силами которой происходит упорядочивание и систематизация мира, занимает ничем не приметная идея *Zweisprachigkeit*, концепция шумеро-вавилонского двуязычия. Но, чтобы понять, в чем состоит сильная сторона новой версии *Listenwissenschaft*, нужно снова обратиться к тексту фон Зодена:

«Если шумерские списки богов в один столбец ничего не могли сказать об отношении богов или приведенных имен друг к другу, как видно из выбранной последовательности, то вавилонский список богов, состоящий из двух или трех столбцов и начинающийся со строки *an=Anum*, в сочетании с вышеупомянутой религиозной литературой мог в достаточной мере прояснить довольно сложную интеллектуальную основу отождествляющей теологии. Он либо отождествлял сотни приведенных в левой колонке преимущественно шумерских имен богов, произношение которых прояснялось многочисленными комментариями, с приведенными справа вавилонскими богами, либо короткими дополнениями подробнее устанавливали связь между ними. Дополнения указывали на родственные или иерархические отношения в соответствующей группе богов или очень коротко уточняли, в каком отношении можно рассматривать приведенного слева бога как ипостась бога, приведенного справа» [6, с. 9-10].

Главные тезисы этого фрагмента:

- 1) шумерские монолингвальные списки богов нельзя объяснить без обращения к контексту — этот тезис раскрыт в процессе анализа предыдущего фрагмента текста;
- 2) вавилонские билингвальные списки богов, построенные в две или три колонки, построены по принципу отождествляющей теологии;

- 3) вавилонские билингвы, вроде Большого вавилонского списка богов an=Anum или Списка богов Вайднера, сами себя не объясняют, а требуют обращения к шумерской и, теперь уже, к вавилонской религиозной поэзии;
- 4) колонки справа и слева отождествляли шумерских и вавилонских богов, или же сводили их к ипостасям;
- 5) вавилонские списки богов, как и шумерские, распределялись по группам, чаще всего по «семьям», но с учетом того факта, что сыновья наиболее авторитетных божеств, как например в Ниппурском списке богов произошло с сыновьями Энлиля — Нанной и Нинуртой, могли равномерно распространяться по всему списку с включением в отдельные группы семей этих сыновей;
- 6) вавилонские двуязычные лексические списки в отдельных случаях, когда такая связь неочевидна, могли сообщать о родственных отношениях между богами;
- 7) кроме родственных отношений в списках богов могла быть отражена божественная иерархия по тем или иным соображениям не всегда соответствующая месту в списке.

*Большой вавилонский список богов и его центральное место
в теориях Listenwissenschaft u Zweisprachigkeit*

Обратим внимание на то, что фон Зоден в процессе анализа шумерских лексических списков избегал называть конкретные первоисточники, и тем более, обсуждать отдельные несогласованности в таких списках, сложности идентификации разнообразных божеств, занимающих свое место после, например, возьмем случайное число, после шестидесятого места в списке. А во время перехода к Большому вавилонскому списку богов немецкий ассириолог говорит о конкретном списке, хотя, как и в случае с шумерскими списками богов, не прибегает к помощи реальных примеров. Объяснить это несложно.

Как только фон Зоден переходит к анализу конкретного списка, сразу же возникают сложности в работе с первоисточником. И дело здесь не в том, что отдельные отколотые фрагменты табличек и отсутствие дубликатов не позволяют нам восстановить отдельные имена богов. И даже не в том, что множество имен в практически каждом из списков, иногда доходя чуть ли не до половины, не представляется возможным прочесть. И даже не в том, что составитель научной фонетической транскрипции на свой страх и риск предлагает одну из многочисленных версий представленного в списке имени. Основная проблема как в отношении шумерских списков богов, так и вавилонских списков состоит в том, что, даже прочитав имена, о большинстве стоящих за них образов мы не знаем абсолютно ничего, поскольку о них молчит религиозная поэзия.

А если исходить из количества всё-таки действующих в религиозной поэзии действующих лиц и соотнести их с количеством, присутствующим в списках (напомним, что в каталоге Даймеля, собравшего все известные к его времени имена шумерских и вавилонских богов, вышло 3 300 имен, хотя многие из этих

имен — это ипостаси других божеств), то такое соотношение демонстрирует нам, что исчисленный в списке пантеон практически невозможно исследовать.

Завершая свою работу, фон Зоден резюмирует свой вклад в философскую мысль в ассириологии следующим образом:

«Самым значительным в том, что мы понимаем под своеобразием вавилонского мышления, является познание, что встреча совершенно разных образов мышления, таких как образы мышления шумеров и семитов, может подтолкнуть к значительным духовным достижениям, которые ни один из этих народов не мог бы достичь в одиночку» [6, с. 19].

Теория *Listenwissenschaft* стала вехой в понимании эпистемологических оснований вавилонского мышления. Теперь важно понять, как эта сложнейшая теоретическая система Вольфрама фон Зодена адаптировалась к уже существующим в ассириологии представлениям о шумерских и вавилонских лексических списках.

Критика теории *Listenwissenschaft*

Чтобы яснее понять то, что из себя представляет теория «наук в списках», предварительно стоит разобраться в позиции тех ученых, кто косвенно или прямо оппонирует фон Зодену. Учтем также тот факт, что научный этикет зачастую не предполагал наличие прямого конфликта в теоретической дискуссии, в связи с чем фон Зоден как теоретик, а не грамматик или лексикограф (в отличие от его учителя Ландсбергера), всегда оставался фигурой умолчания для критики, вследствие чего понятие *Listenwissenschaft* ровно по тем же соображениям критиковалось не напрямую, а через его полное или частичное описание.

Критика теории В. фон Зодена А. Лео Оппенхеймом

Время ознакомиться с наиболее сильной методологической позицией, сознательно противостоящей теории «науки в списках». Речь идет о «портретной» теории А. Лео Оппенхейма, изложенной в его знаменитой работе «Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации» (1964). Само собою разумеется, что, называя эту теорию «портретной», мы удерживаем в этом определении метафору Оппенхейма. Ранее нам уже приходилось обращаться к рассмотрению взглядов Оппенхейма, но за эти годы, прошедшие с момента написания статьи, наше отношение к этой теории претерпело существенные изменения. Стало понятно, что Оппенхейм намного ближе к *Listenwissenschaft*, чем это казалось раньше. При этом знаменитый скептицизм Оппенхейма заслуживает особого внимания, поскольку, вероятно, это методическое сомнение не только не разрушает строение теории «наук в списках», но наоборот, способствует тому, чтобы был сформирован научный взгляд, максимально освобожденный от заранее готовых оценок, наличие которых значительно ослабляет интеллектуальный потенциал критиков теории *Listenwissenschaft*.

А. Лео Оппенхейм, как философ от ассириологии, высказывает ряд не для всех очевидных суждений, тем самым на годы вперед задавая основную линию интерпретации шумеро-вавилонских литературных текстов и лексических списков. До Оппенхейма никто так остро не критиковал попытки ученых реконструировать духовную культуру древнего ближневосточного региона, ищущих в текстах «первобытную мудрость, наполненную скрытым смыслом космологии» [17]. Стала знаменитой еще одна мысль Оппенхейма о том, что шумерскую религию вообще не стоит изучать, поскольку наше знание материала не дают оснований делать какие-либо твердые выводы. «Я убежден, что систематическое описание месопотамской религии — задача невыполнимая и ставить такую цель вообще не следует» [9, с. 136]. Теперь гораздо яснее, что острие критики Оппенхейма в данном случае направлено не на представителей лейпцигской школы, а на незадолго до этого вышедшие труды Якобсена и Крамера.

Важны размышления Оппенхейма о необходимости систематизировать знания о шумеро-вавилонской культуре, т. е. о необходимости осмысления этой культуры как системы. «Исследователю необходимо, хотя это и трудно, освободиться от собственных привычных взглядов, чтобы иметь возможность привести в систему данные, относящиеся к чуждой цивилизации» [9, с. 23].

Мы помним, что *Listenwissenschaft* исходит из того же убеждения, что в основании методологического подхода должна быть заложена система. Из утверждений Оппенхейма и их сравнением со взглядами фон Зодена проясняется еще один ключевой вопрос, ранее практически не обсуждавшийся в ассириологической литературе. «Наука в списках» фон Зодена построена на убеждении в существовании в шумерских и вавилонских научных представлениях системы классификации одушевленных и неодушевленных объектов, реальных или вымышленных образов, которые независимо от того, существуют они в действительности или нет, уже самим фактом вхождения в классификацию влияют на действительное мышление и поведение древнего ближневосточного общества, или, как минимум, лиц духовного звание из среды такого общества.

В таком случае мифологические тексты и лексические списки объясняют скорее не внешнюю по отношению к человеку реальность, а его внутренний мир, в котором каталогизированы предметы и образы. А значит, то, что обычно воспринимается как религия, имеющая иррациональное и необъяснимое начало, должно быть понято как научное представление независимо от того, какие мы даем оценки границ подобной научности. Теперь становятся ясны общие методологические принципы «портретной» теории вавилонской культуры Оппенхейма, что позволяет нам иначе взглянуть на следующую его мысль:

«Составленные по различным принципам списки богов или священных животных этих божеств и попытки писцов внести порядок в систему богов и их взаимоотношений — короче говоря, то, что можно было бы назвать теологией, — не имеют своего определенного *Sitz im Leben* („места в жизни“) и характеризуют скорее месопотамскую ученость, нежели религиозность. Большое внимание в этих текстах уделяется периферическим

участкам религиозной жизни — главным образом суждениям жрецов о могуществе, функциях, подвигах и родстве различных богов пантеона» [9, с. 143].

Действительно, способ классификации лексических списков (в нашем случае — списков богов) представляет собою зародыш научной классификации независимо от того, что система объектов в этой классификации состоит из образов, не имеющих в реальности материального воплощения. Пусть это не будет еще «теология», хотя Мейсснер и фон Зоден утверждают обратное, но это уже есть «наука в списках».

Отдельно прокомментируем включенное в определение словосочетание «места в жизни». Это понятие восходит к трудам библеиста Германа Гункеля, и первоначально применялось к библейским текстам, а конкретно к анализу Книги псалмов. Гункель говорил о том, какое «место в жизни» занимает тот или иной литературный, религиозный или научный текст. Изолированное толкование текстов от их реального контекстуального употребления значительно искажает наше представление о тексте как таковом. Оппенхейм с большим искусством внедряет концепцию Гункеля в исследование шумерских и вавилонских лексических списков. Чтобы понять значение, например, списков богов, нужно понять какое место в реальной жизни занимали подобные тексты. Даже если не называть это теологией, то и без этого ясно, считает Оппенхейм, что лексические списки богов — это не больше и не меньше чем представление жреческого сообщества о способе взаимоотношений между литературными образами политеистического мира. А научный характер, пусть в наиболее примитивных формах, этим представлением дает систематизация, приведение этих представлений в единую систему богов.

В свете сказанного проясняется еще один важный вопрос, восходящий уже исключительно к теории «системы богов». Шумерский политеизм впервые получил достойное научное освещение как раз в теории Ландсбергера. Систематизация пантеона, его внутренняя логика, система связей обязана считаться гораздо более важной, чем набор мифологических сюжетов, играющих, по сути, вспомогательную роль в выявлении связей между отдельными божествами в лексических списках. Поэтому Оппенхейм пишет, что «теперь можно в полной мере осознать трудности изучения политеистической религии Месопотамии, столь удаленной от нас во времени и чуждой в своих основах» [9, с. 145]. А это, в свою очередь, еще раз подчеркивает существенную роль теории «наук в списках» фон Зодена. Политеизм раскрывается лишь через терпеливое описание каждого, даже самого периферийного мифологического образа, чтобы в результате получить общую картину этой формы религиозных и научных представлений.

Как мы уже выше отмечали, кроме теории *Listenwissenschaft*, относящуюся к поздним его трудам, намного ранее на основании тех же источников предложил теорию *Ordnungswille*. Оппенхейм однозначно выступает против ранней теории фон Зодена:

«Может быть, мы излишне подчеркивали практический элемент в истории возникновения рассмотренных нами многочисленных списков. Но такое истолкование, на мой взгляд, проще и больше отвечает основным особенностям этих списков, чем квазимифологическая теория *Ordnungswille* („стремление к порядку“), согласно которой писцы, создававшие списки, руководствовались желанием „организовать“ окружающую их вселенную, регистрируя все, что они видели вокруг, и описывая результаты своих наблюдений в узких колонках на глине. Столь же необоснованным представляется утверждение о том, что списки слов с названиями растений, животных и камней были как бы первичными курсами ботаники, зоологии и минералогии. Такие утверждения порождены сегодняшней обстановкой, когда чуждая нам цивилизация обязана иметь „научные“ достижения, чтобы считаться заслуживающей изучения» [9, с. 197].

Но несмотря на явные расхождения во взглядах фон Зодена и Оппенгейма на способ систематизации лексических списков, их взгляды исходят из единого источника — теории *Eigenbegrifflichkeit* Ландсбергера, а это означает, что эпистемологические оснований обеих теорий идентичны.

Критика теории В. фон Зодена И. М. Дьяконовым

Дьяконов дважды обращался к вопросу о специфике научного знания в Древней Месопотамии. Свое отношение к этой проблеме Дьяконов выразил в развернутых статьях «Вавилонская филология (III-I тыс. до н. э.)» (1980) и «Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия)» (1982). Сначала речь пойдет о более ранней версии критики *Listenwissenschaft*.

У Дьяконова есть вполне сложившееся представление о том, что шумеро-вавилонская наука имела в своем культурном багаже систематические знания. Во взглядах Дьяконова легко заметна ссылка на педагогику, как на основание для создания лексических списков. «Если наука есть систематизированное познание, то шумеры и вавилоняне систематизировали свои познания почти исключительно в ходе школьного преподавания; эта систематизация была порождена его нуждами» [4, с. 17]. Артикулируя вопрос о системном характере «школьного» знания шумеров и вавилонян, Дьяконов вполне объяснимо ищет союзников, поддерживающих подобный дискурс. В качестве авторитетов в этом вопросе для него выступают Бенно Ландсбергер и А. Лео Оппенгейм, что подтверждается ссылками на их работы.

Итак, Дьяконов подтверждает систематический характер научного знания в Шумере и Вавилоне, что абсолютно резонирует с фундаментальными предпосылками теории *Listenwissenschaft*. Но когда Дьяконов касается лексических списков, он уточняет, что они подлежали «зазубриванию без участия логических умозаключений». А значит, критерий системности знания основан на других основаниях, нежели логических. Даже более того, способ запоминания лексических списков не требовал четкого представления об их содержании и внутренней логике их построения, а предполагал бездумное заучивание наизусть. Дьяконов

подробно рассказывает о 14 классах лексических списков, хотя последний из этих классов объясняется всего в одном предложении. «Были также списки — орфографические справочники для написания имен собственных, имен богов и т. п.» [4, с. 26]. Обращает на себя внимание явно периферийное положение списков богов среди остальных лексических списков, занимающих в теории «науки в списках» практически центральное место. Это «умаление» сделано целиком осознанно, с целью, чтобы продемонстрировать вторичность подобного класса источников. Следовательно, систематичность шумерской и вавилонской науки, следуя этому подходу, не распространяется на списки богов.

По мнению Дьяконова, «главным образом списки слов служили пособием для самого усвоения грамоты, как шумерской, так и аккадской, путем постоянного, многократного переписывания и записывания наизусть» [4, с. 27]. Однако в этом суждении явно перепутаны причины и следствия. Даже если мы допустим, что лексические списки служили исключительно для получения шумерского лексического запаса, то тем самым совсем не доказано, что целью обучения был список находящихся в памяти слов. Наоборот, список слов обязан был получить свое место в памяти, поскольку эти слова отражали особо важную часть окружающей действительности. Важностью содержащейся в словах реальности объясняется заучивания наизусть слов, а не недостатком педагогических средств для запоминания лексики. Само наличие многократно переписываемых табличек с именами собственными приводило Дьяконова к умозаключению, согласно которому наличие практик запоминания означало отсутствие преставлений о логической взаимосвязей явлений:

«Логическому мышлению в вавилонской школе не обучали — тот процесс логических умозаключений, результатом которого могло явиться составление таблиц, списков и ли рецептов, был проделан заранее составителями» [4, с. 27].

Пусть так, но вывод ведь напрашивается совсем другой. Нельзя считать отсутствием логического мышления необходимость автоматического переписывания лексических списков. Наоборот, сам факт составления этих списков подразумевает определенную закономерность, наличие которой объясняется хотя бы тем, что лексические списки имели не случайную, а необходимую форму, поскольку многократно переписывались без единого изменения, если не учитывать вполне допустимые случаи опечаток. «Первая аналитика» Аристотеля тоже заучивалась в виде построения уже существующих силлогизмов, но разве является этот факт доказательством отсутствия логики у Аристотеля? Другими словами, мнемотехники целиком объяснимы даже тогда, когда мы имеем дело с традиционной логикой, а значит, в таком случае нет оснований противопоставлять логику и мнемотехнику, как это делает Дьяконов.

Во второй статье Дьяконова, написанной всего через два года после первой, имеются значительные уточнение общего видения советским ученым шумерской и вавилонской науки. Можно сказать, что вторая статья — это развитие поло-

жений предыдущей¹. Любопытный факт, что, хотя первая треть статьи 1982 г. иногда слово в слово повторяет статью 1980 г., но при этом абзац о систематическом характере шумеро-вавилонской науки из нового варианта текста бесследно исчез. Видимо, этот тезис не совсем совпадал с общим содержанием статьи, фиксирующей скромный научный прогресс в научном знании Месопотамии, если судить о них с позиции современного определения научности. Естественно, изменившийся начальный тезис обязывал Дьяконова пересмотреть свои предпосылки о заявленной ранее систематичности шумерской и вавилонской науки. Зафиксированные в первой статье 14 классов научного знания в новой статье сократились до 12, а упоминание о списках имен богов потеряло место даже среди оставшихся классов.

К тематике Listenwissenschaft фон Зодена вплотную примыкают размышления Дьяконова о точных, естественных и социальных науках в шумерских лексических списках. «В форме перечней составлялись также пособия по всем другим наукам — праву, ботанике, медицине, минералогии, химической рецептуре, перечни звезд, богов и их храмов..., математические таблицы и задачки» [5, с. 67]. Однако эти перечни тоже не могли претендовать на статус систематического знания, поскольку «в их изучении первое место отводилось зазубриванию терминологических списков, рецептов и задач» [5, с. 67]. А значит, как и раньше, Дьяконов продолжает настаивать на том, что внутренней логики в подобных источниках нет и быть не может. Очевидно, что этот взгляд принципиально расходится с теорией «науки о списках». Возвращаясь снова и снова к характеристике шумеро-вавилонской науки в области естественных наук, Дьяконов оценивает их уровень как достаточно низкий. «Естественные науки в древней Вавилонии были развиты слабо. Едва ли можно считать зачатками ботаники и минералогии списки названий растений и камней из ҲAR-ra=hubullu» [5, с. 74]. Отметим, что упомянутый Дьяконовым известнейший билингвальный лексический список ҲAR-ra=hubullu с позиции теории Listenwissenschaft раскрыл ученик Вольфрама фон Зодена Дитц-Отто Эдзарт [19]. В общем и целом, Дьяконов систематически проводит линию по приуменьшению религиозного характера строения лексических списков и тем самым открыто выступает против теории В. фон Зодена. Однако при этом, как и в случае с А. Лео Оппенхеймом, взгляды Дьяконова серьезно обоснованы и органически вписываются в доминирующий в ассириологии дискурс.

Критика теории В. фон Зодена Д. Шарпеном

Как уже мы говорили в начале исследования, французская ассириологическая традиция богата исследованиями шумерской и вавилонской религиозных традиций, а также трудами по науке и культуре этого древнего региона мира. Мож-

¹ С некоторой досадой можно обратить внимание на то, что Дьяконов в новую статью вставил значительные извлечение из первой, но возможным оправданием этого факта может служить то, что в советские годы к самоцитированию относились гораздо терпимей, чем в наше время.

но вспомнить хотя бы про католического теолога Эдуарда Дорма, издавшего труды по вавилонскому и ассирийскому политеизму, или о Жане Боттеро, левого интеллектуала, вместе с Крамером писавшего труды по месопотамской мифологии. Но и Дорм, и Боттеро издали свои главные труды в 1945 и 1952 г., соответственно, и по этой причине не могли полемизировать с поздней редакцией теории фон Зодена (1960 г.). Ситуацию никак не меняет и тот факт, что в 1987 г. Боттеро издал новую работу по месопотамской религии. Ознакомление с этим трудом показывает, что в отличие от фундаментального исследования «Вавилонская религия» книга «Месопотамия» имела стандартный научно-популярный характер и не претендовала на изложение или полемику с теориями уровня «науки в списках».

Французскому востоковедению пришлось ждать наступления XXI в., чтобы впервые обнаружить труд, в содержании которого можно найти дискуссию с В. фон Зоденом. Доминик Шарпен как раз и может служить примером современной критики теории «науки в списках».

Перейдем непосредственно к анализу труда Шарпена, а именно в той его части, где речь идет о скрытой критике теории *Listenwissenschaft*. Маркером отрицания систематического строения эпистемологических оснований шумерских и вавилонских лексических списков служила и по-прежнему служит попытка убедить читателя, что подобные тексты не играли никакой роли в жизни человека вне школьных занятий по основам шумерского языка. Вторым маркером нужно считать голословность подобных утверждений, никогда не подкрепленных аргументацией, а просто сводящегося к апелляции к здравому смыслу или апелляцией к авторитету. Описывая методики обучения грамоте в эдуббе, Шарпен, очевидно, не мог обойти внимание лексические списки и канонические списки литературных текстов: «Статус шумерской „литературы“ до сих пор не определен, но очевидно, что многие из этих произведений не имели других функций, помимо педагогических» [10, с. 84]. Однако в дальнейшем изложении Шарпен не мог не признать религиозные функции билингвальных эпических и лексических текстов, изучаемых старовавилонскими «школьниками» в эдуббе: «Обращает на себя внимание место, которое занимают в этих текстах город Вавилон и его бог Мардук: создается впечатление, что второй этап обучения служил прежде всего религиозным целям» [10, с. 91].

Как же согласовать два взаимоисключающих утверждения при условии, что нам ясно, что объявление лексических списков и литературных текстов исключительно педагогическими источниками с пропедевтической функцией означало лишь то, что обучение в эдуббе имело светский, а не религиозный характер?

Шарпен предполагает двойственный характер обучения в зависимости от будущей профессии обучающихся. «Начальная школа», в таком случае, занимала бы место «семи свободных искусств» или как минимум «тривиума», а «средняя и высшая школа» уже предполагала бы обучение на «теологическом факультете». Конечно, «медиевизация» эдуббы имеет лишь метафорическую ценность, реальное обучение в эдуббе вряд ли встраивалось в привычные

средневековому сознанию форматы. Тем не менее, сам факт признания Шарпен религиозной функции обучения, пусть только на продвинутом, углубленном этапе, предполагает то, что ученый и лексические списки способен рассмотреть под иным, чем просто педагогическим углом зрения. Однако происходит как раз обратное: ранние лексические списки Шарпен характеризует как созданные просто для административных целей:

«Лексические списки иногда воспринимаются как средство познания вселенной, но их „мистическим“ значением увлекаться не стоит: сомнительно, чтобы в основе лежали теологические или космогонические соображения» [10, с. 91].

Оставим без внимания смешение Шарпен «мистики» и «теологии», но обратим внимание на то, как срабатывает второй маркер — отрицание за лексическими списками теологической функции не подтверждается аргументами, а просто повисает в виде простого заявления.

В целом, отрицание Шарпен значения *Listenwissenschaft* сводится к совету не увлекаться толкованием лексических списков как средства познания вселенной, что вряд ли может служить весомым аргументом против теории фон Зодена.

Если подвести итог в отношении критики *Listenwissenschaft* с позиций американской, русской и французской ассириологических традиций, то можно сделать общий вывод о том, что ни А. Лео Оппенхейму, ни И. М. Дьяконову, ни Д. Шарпену не удалось предложить четких и ясных контраргументов против теории В. фон Зодена. Вместо аргументов чаще всего звучало просто несогласие, некий «символ веры», утверждающий, что в лексических списках системы нет. Как показало наше исследование, впервые во всей полноте раскрывшее теорию *Listenwissenschaft*, уровень логического обоснования у фон Зодена чрезвычайно высок, что подразумевает критику не менее высокого качества аргументации.

Выводы

Как показало исследование, теория *Listenwissenschaft* Вольфрама фон Зодена целиком применима к анализу содержания шумеро-вавилонских лексических списков. Списочный характер шумерского знания абсолютно не исключает его научного характера — наоборот, благодаря применению принципа историзма, он раскрывает логику лексических списков. Ключевой особенностью *Listenwissenschaft* и ее коренным отличием от других теорий в отношении шумерской лексикографии, нужно считать открытое фон Зоденом понятие системы, заложенное в основание лексических списков. Как руководствующий принцип исследования *Listenwissenschaft* открывает возможность новых достижений в таких, казалось бы, отличающихся областях научного знания, как методология исторических наук, сравнительное религиоведение и феноменология религии. Вместе с теориями Генриха Циммерна, Бруно Мейсснера, Антона Даймеля, Бенно Ландсбергера, А. Лео Оппенхейма и Адама Фалькенштейна идеи Вольфрама фон Зодена формируют внутри ассириологии XX в. цельный философский дискурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григоришин С. В. Значение теории динамичных культур для изучения древневосточных канонических книг / С. В. Григоришин // *Філософія і політика*. 2016. № 4. С. 35–41.
2. Григоришин С. В. Теория Бенно Ландсбергера о своеобразии понятий древних ближневосточных культур / С. В. Григоришин // *Вестник Тюменского университета. Гуманитарные исследования*. 2016. Том 2. № 4. С. 113–128. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128
3. Григоришин С. В. Между Оппенхеймом и Крамером: роль научной установки в изучении ближневосточной мифологии / С. В. Григоришин // *Тирош*. 2014. № 14. С. 58–70.
4. Дьяконов И. М. Вавилонская филология (III–I тыс. до н. э.) / И. М. Дьяконов // *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: Наука, 1980. С. 17–37.
5. Дьяконов И. М. Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия) / И. М. Дьяконов // *Очерк истории естественных наук в древности*. М.: Наука, 1982. С. 59–119.
6. Зоден В. фон. Двухязычие в духовной культуре Вавилонии / В. фон Зоден; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
7. Ландсбергер Б. Своеобразие вавилонского мира / Б. Ландсбергер; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
8. Ландсбергер Б. Духовные достижения шумеров / Б. Ландсбергер; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
9. Оппенхейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации / А. Л. Оппенхейм. М.: Наука, 1990.
10. Шарпен Д. Чтение и письмо в Вавилонии / Д. Шарпен. М.: Изд-во РГГУ, 2009.
11. Эдзарт Д.-О. Наука о шумеро-аккадских списках и другие аспекты древнемесопотамской рациональности / Д.-О. Эдзарт; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
12. Bottéro J. La religion babylonienne / J. Bottéro. Paris, 1952.
13. Bottéro J. Mésopotamie: l'écriture, la raison et les dieux / J. Bottéro. Gallimard, 1987.
14. Cavigneaux A. Lexikalischeliste / A. Cavigneaux // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York. Walter de Gruyter, 1980–1983. Band 6. S. 609–641.
15. Civil M. Lexicography / M. Civil // *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen*. Chicago: University of Chicago Press, 1975. Pp. 123–157.
16. Deimel A. Pantheon Babylonicum oder Keilschriftkatalog der Babylonicum Genesis / A. Deimel. Rome: Verlag der Päpstl. Bibelinstituts, 1950.
17. Dhorme E. La Religion assyro-babylonienne: conférences données à l'Institut catholique de Paris / E. Dhorme. Paris, 1910.
18. Dhorme E. Les religions de Babylonie et d'Assyrie / E. Dhorme. Paris: Presses Universitaires de France, 1945.
19. Edzard D. O. Sumerisch-akkadische Listenwissenschaft und andere Aspekte altmesopotamischer Rationalität / D. O. Edzard // *Rationalitätstypen*. Freiberg/München: Verlag Karl Alber, 1999. S. 246–267.

-
20. Falkenstein A. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš / A. Falkenstein. Rome, 1949-1950. 2 Bände.
 21. Hilgert M. Von ‚Listenwissenschaft‘ und ‚epistemischen Dingen‘. Konzeptuelle Annäherungen an altorientalische Wissenspraktiken / M. Hilgert // *Journal for General Philosophy of Science*. 2009. № 40. S. 277-309.
 22. Jacobsen T. *The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion* / T. Jacobsen. New Haven; London, 1976.
 23. Kramer S. N. *History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Man's Recorded History* / S. N. Kramer. University of Pennsylvania Press, 1956.
 24. Krebernik M. *Götter und Mythen des Alten Orients* / M. Krebernik. C. H. Beck: München, 2012.
 25. Labat R. *Le Caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne* / R. Labat. Paris, 1939.
 26. Lambert W. *Göttergenealogie* / W. Lambert // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1957. Band 3. S. 469-470.
 27. Lambert W. *Götterlisten* / W. Lambert // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1957. Band 3. S. 473-479.
 28. Landsberger B. Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt / B. Landsberger // *Islamica*. 1926. № 2. S. 355-372.
 29. Landsberger B. Die geistigen Leistungen der Sumerer / B. Landsberger // *Ankara Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 1945. № 3. S. 150-158.
 30. Meissner B. *Babylonien und Assyrien* / B. Meissner. Heidelberg, 1920-1925. Band I-II.
 31. Oppenheim A. L. *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization* / A. L. Oppenheim. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
 32. *Politheismus und Monotheismus in den Religion des Vorderen Orients*. Münster, 2002.
 33. Soden W. von. Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft / W. von Soden // *Die Welt als Geschichte. Zeitschrift für universalgeschichtliche Forschung*. 1936. № 2. S. 411-464; 509-557.
 34. Soden W. von. *Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens* / W. von Soden. Wien, 1960.
 35. Veldhuis N. *History of the Cuneiform Lexical Tradition* / N. Veldhuis. Münster: Ugarit-Verlag, 1999.
 36. *What is God? Anthropomorphic and Non-anthropomorphic aspects of Deity in Ancient Mesopotamia*. Winona Lake, 2009.
 37. Zimmern H. *Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion* / H. Zimmern. Leipzig, 1901.
 38. Zimmern H. *Zur Herstellung der großen babylonischen Götterliste An=(ilu) Anum* / H. Zimmern. Leipzig, 1911. S. 83-125.

Sergey V. GRIGORISHYN¹

UDC 930.1

**WOLFRAM VON SODEN'S LISTENWISSENSCHAFT
AND THE PROBLEM OF INTERPRETING
SUMERIAN LEXICAL LISTS**

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Archeology,
Ancient History, and Middle Ages, Tyumen State University
s.v.grigorishyn@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2509-6382

Abstract

The subject of this study is the Listenwissenschaft theory by German Assyriologist Wolfram von Soden. Since there are two editions of this theory — 1936 and 1960, respectively — it should be clarified that our analysis is devoted to a later version of W. von Soden's theory. A detailed description of the elements of this theory is followed by its systematization, the results of which are reflected in the intellectual map presented in the study. Since the Listenwissenschaft was often criticized for being abstract and speculative, the views of W. von Soden's critics were introduced into the study.

As a result of the analysis of this criticism, the author of this article comes to the conclusion that the main argument of the Listenwissenschaft theory — the presence of a system in lexical lists — remained unshaken after the criticism. This, in turn, leads to the conclusion that W. von Soden's theory is included in the field of research of philosophical thought in Assyriology, which makes it possible to clarify the epistemological foundations of the Sumerian and Babylonian lexical lists.

The novelty of the study lies in the fact that the Listenwissenschaft for the first time since 1999 (the time of the publication of an article by W. von Soden's student, D.-O. Edzard) was presented in a positive light, which, in turn, prompts a re-examination of this theory in order to solve the epistemological tasks set for Assyriology, in particular, in the context of the discussion about lexical lists.

The study applies the method of phenomenology of religion in the edition of J. Waanderburg.

Citation: Grigorishyn S. V. 2022. "Wolfram von Soden's Listenwissenschaft and the problem of interpreting Sumerian lexical lists". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 94-132. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

Keywords

Lexical lists, Lists of Gods, Nippur Literary Canon, Listenwissenschaft, Göttersystem, Ordnungswille, Listenwissenschaft, Zweisprachlichkeit, Benno Landsberger, Wolfram von Soden, Adam Falkenstein, A. Leo Oppenheim, Anton Deimel.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

REFERENCES

1. Grigorishin S. V. 2016. "Significance of the theory of dynamic cultures for the study of Ancient Eastern canonical books". *Philosophy and Politics*, no. 4, pp. 35-41. [In Russian]
2. Grigorishyn S. V. 2016. "Benno Landsberger's theory of the specific concepts of the ancient near east cultures". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 2, no. 4, pp. 113-128. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128 [In Russian]
3. Grigorishin S. V. 2014. "Between Oppenheim and Kramer: the role of scientific attitude in the study of Middle Eastern mythology". *Tirosh*, no. 14, pp. 58-70. [In Russian]
4. Dyakonov I. M. 1980. "Babylonian philology (III-I thousand B. C.)". *History of Linguistic Doctrines. The Ancient World*, pp. 17-37. Leningrad: Nauka. [In Russian]
5. Dyakonov I. M. 1982. "Scientific ideas in the ancient East (Sumer, Babylonia, West Asia)". *Essays on the History of Natural-Science Knowledge in Antiquity*, pp. 59-119. Moscow: Nauka. [In Russian]
6. Zoden W. von. *Bilingualism in the Spiritual Culture of Babylonia*. (Manuscript). [In Russian]
7. Landsberger B. *The Peculiarity of the Babylonian World*. (Manuscript). [In Russian]
8. Landsberger B. *The spiritual achievements of the Sumerians*. (Manuscript). [In Russian]
9. Oppenheim A. L. 1990. *Ancient Mesopotamia. Portrait of a Lost Civilization*. Moscow: Nauka. [In Russian]
10. Sharpen D. 2009. *Reading and Writing in Babylonia*. Moscow: Izdatel'svo RGGU. [In Russian]
11. Edzard D.-O. *Science of the Sumero-Akkadian lists and other aspects of ancient Mesopotamian rationality*. Translated from German by A. Vedrov. (Manuscript). [In Russian]
12. Bottéro J. 1952. *La religion babylonienne*. Paris.
13. Bottéro J. 1987. *Mésopotamie: l'écriture, la raison et les dieux*. Gallimard.
14. Cavigneaux A. 1980-1983. "Lexikalischelisten". In: *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Band 6, pp. 609-641. Berlin; New York. Walter de Gruyter.
15. Civil M. 1975. "Lexicography". In: *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen*, pp. 123-157. Chicago: University of Chicago Press.
16. Deimel A. 1950. *Pantheon Babylonicum oder Keilschriftkatalog der Babylonien Genesis*. Rome: Verlag der Päpstl. Bibelinstituts.
17. Dhorme E. 1910. *La Religion assyro-babylonienne: conférences données à l'Institut catholique de Paris*. Paris.

18. Dhorme E. 1945. Les religions de Babylonie et d'Assyrie. Paris: Presses Universitaires de France.
19. Edzard D. O. 1999. "Sumerisch-akkadische Listenwissenschaft und andere Aspekte altmesopotamischer Rationalität". In: Rationalitätstypen, pp. 246-267. Freiberg/München: Verlag Karl Alber.
20. Falkenstein A. 1949-1950. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš. 2 Bände. Rome.
21. Hilgert M. 2009. "Von 'Listenwissenschaft' und 'epistemischen Dingen'. Konzeptuelle Annäherungen an altorientalische Wissenspraktiken". Journal for General Philosophy of Science, no. 40, pp. 277-309.
22. Jacobsen T. 1976. The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion. New Haven; London.
23. Kramer S. N. 1956. History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Man's Recorded History. University of Pennsylvania Press.
24. Krebernik M. 2012. Götter und Mythen des Alten Orients. C. H. Beck: München.
25. Labat R. 1939. Le Caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne. Paris.
26. Lambert W. 1957. "Göttergenealogie". In: Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 3, pp. 469-470. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
27. Lambert W. 1957. „Götterlisten“. In: Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 3, pp. 473-479. Berlin; New York. Walter de Gruyter.
28. Landsberger B. 1926. "Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt". Islamica, no. 2, pp. 355-372.
29. Landsberger B. 1945. "Die geistigen Leistungen der Sumerer". Ankara Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi, no. 3, pp. 150-158.
30. Meissner B. 1920-1925. Babylonien und Assyrien. Band I-II. Heidelberg.
31. Oppenheim A. L. 1964. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. Chicago: University of Chicago Press.
32. Politheismus und Monotheismus in den Religion des Vorderen Orients. 2002. Münster.
33. Soden W. von. 1936. "Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft". Die Welt als Geschichte. Zeitschrift für universalgeschichtliche Forschung, no. 2, pp. 411-464; 509-557.
34. Soden W. von. 1960. Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens. Wien.
35. Veldhuis N. 1999. History of the Cuneiform Lexical Tradition. Münster: Ugarit-Verlag.
36. What is God? Anthropomorphic and Non-anthropomorphic aspects of Deity in Ancient Mesopotamia. 2009. Winona Lake.
37. Zimmern H. 1901. Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Leipzig.
38. Zimmern H. 1911. Zur Herstellung der großen babylonischen Götterliste An=(ilu) Anum, pp. 83-125. Leipzig.